

УДК 930.23

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА 60–70-х ГОДОВ XX ВЕКА: КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ РЕАЛИИ

А.А. Сальникова, Е.А. Герасимова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается новая, сформированная в СССР после ликвидации ГУЛАГа концепция пенитенциарной системы как особого «нормализующего», «терапевтического» пространства, призванного не только оградить общество от незаконопослушных и нелояльных к власти граждан, но и по возможности их «осоветить». На основе ранее не введённых в научный оборот делопроизводственных источников, отложившихся в Российском государственном архиве новой истории, а также законодательной документации выявляется и анализируется специфика особых мест лишения свободы для осуждённых за государственные преступления («политических») и их роль в составе новой модели советской тюрьмы. Доказывается, что специальные пенитенциарные учреждения, созданные в течение 60–70-х годов XX в. для изоляции не поддающихся перевоспитанию особо опасных государственных преступников, существенно отличались от рядовых учреждений системы исполнения наказаний, в том числе в плане организации и нормирования повседневной жизни заключённых. Выявлены противоречия между установками власти и реальными практиками тюремной действительности.

Ключевые слова: советская пенитенциарная система, политическая тюрьма, политические заключённые, наказание инакомыслящих, СССР, 60–70-е годы XX века

Одним из важных направлений отечественной историографии, которое выдвинулось в число приоритетных уже в ранний постперестроечный период, стало изучение истории советской политической юстиции как особой части юридической системы СССР, специально созданной или используемой «для подавления политических противников путём применения правовых и противоправных средств» [1, с. 14]. В центре внимания исследователей оказалась в первую очередь тема ГУЛАГа и массовых политических репрессий, а также особенности и результаты деятельности ОГПУ–НКВД¹ в условиях политической ангажированности советской правоохранительной системы. Более поздний, «постгулаговский» период в истории органов советской политической юстиции оказался изученным несопоставимо хуже, что объяснялось как недостаточностью (отчасти недоступностью) необходимых источников для их исследования,

¹ Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) в 1934 г. вошло в состав Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

прежде всего источников документальных, так и очевидным смещением научных интересов в целом на раннесоветский и сталинский периоды отечественной истории. Однако постепенно ситуация стала меняться. Всё более активное обращение исследователей к последним советским десятилетиям повлекло за собой усиление внимания к истории политической оппозиции в СССР в позднесоветский период, диссидентскому движению и, соответственно, к деятельности советских спецслужб и учреждений общей юрисдикции по его преследованию, подавлению и ликвидации, включая пенитенциарную систему и её особый сегмент – места лишения свободы для осуждённых за государственные преступления («политических»).

Советская власть никогда не пренебрегала возможностью подчинения и даже перевоспитания «чужих», включая прямых политических оппонентов, «врагов» (тех, кого она таковыми действительно считала и кому это лишь приписывала). Более того, она была достаточно уверена в разрешимости этой непростой задачи. Сконструированное и воплощённое дисциплинарное пространство ГУЛАГа с его монотонной отчуждённостью, экономической эксплуатацией и насаждением политического послушания как место совершенного порядка, восполняющего несовершенство советской повседневной жизни, являло ярчайшее тому подтверждение. Но и после ликвидации ГУЛАГа сформированная советской властью «политическая анатомия» (М. Фуко), которая базировалась на особых дисциплинарных методах, ориентированных на производство управляемых «послушных тел», продолжала носить по существу всеохватывающий характер. Она стала концептуальной основой переформатированной советской пенитенциарной системы, которая оставалась особым «нормализующим», «терапевтическим» пространством, предназначенным не только для защиты общества от незаконопослушных и нелояльных к власти граждан, но и по возможности для их «совечивания». На это была ориентирована и новая модель советской тюрьмы, включавшая в себя созданные в течение 60–70-х годов XX в. специальные пенитенциарные учреждения для изоляции особо опасных государственных преступников. Данные формирования существенно отличались от рядовых учреждений системы исполнения наказаний, в том числе в плане организации и нормирования повседневной жизни заключённых и сотрудников службы исполнения наказаний.

Переосмысление сталинской репрессивной политики после XX съезда КПСС, а также в немалой степени обострившееся в начале 50-х годов противостояние уголовников-рецидивистов с лагерной администрацией и отсутствие контроля со стороны последней над происходящим внутри исполнительных учреждений вынудили власть кардинально реформировать пенитенциарную систему. В период с 1954 г. по 60-е годы Министерство внутренних дел СССР разработало принципиально новую концепцию функционирования системы исполнения наказаний. Один за другим выходили указы и постановления о реорганизации пенитенциарной системы. В дальнейшем выработанные положения были обобщены в принятом в июле 1969 г. Законе СССР «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» (ЗСССР).

Реорганизация сталинского ГУЛАГа началась сразу после смерти «вождя народов». Уже в течение марта 1953 г. Совет министров СССР принял ряд важных постановлений о местах лишения свободы. Так, Постановлением № 895-383сс от 25 марта 1953 г. (ППСМ) ликвидировалось строительство крупных объектов с участием заключённых, в числе которых были Главный Туркменский канал, Волго-Балтийский водный путь, железные дороги на севере Западной Сибири, на Кольском полуострове, в Архангельской области, Красноярском крае, Приморье, тоннель под Татарским проливом, Черногорский и Араличевский заводы искусственного жидкого топлива и др. (см. [2]). Указом Президиума Верховного совета от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» (УПВС1) объявлялось широкомасштабное помилование, коснувшееся прежде всего уголовного контингента ГУЛАГа: на свободу тогда вышли 1201738 заключённых, в том числе опасные рецидивисты [3, с. 130]. Однако на осуждённых за контрреволюционные преступления согласно п. 7 данного Указа амнистия не распространялась (УПВС1).

Впервые пересмотр дел политических заключённых начался в мае 1954 г., и за 1954–1955 гг. были досрочно освобождены 32798 человек [3, с. 130]. В период с 1953 по 1959 г. в результате серии амнистий примерно 2.3 млн человек досрочно вышли на свободу [3, с. 131]. Как отмечает Н.В. Земсков, амнистии преимущественно подвергались заключённые в лагерях, тогда как численность отбывающих наказание в колониях и тюрьмах снижалась не столь существенно [3, с. 132]. Реформаторы ставили своей целью ликвидировать лагерную систему исполнения наказаний, сохранив колонии и тюрьмы. В записке к ЦК КПСС от 5 апреля 1956 г., подготовленной Министерством внутренних дел, предлагалось упразднить лагеря в течение 1956–1958 гг. (РГАНИ1, л. 20 об.). Это предложение министра внутренних дел Н.П. Дудорова в октябре того же года было одобрено Советом министров СССР и ЦК КПСС, несмотря на возражения главы КГБ С.М. Серова (РГАНИ2, л. 1–4 об.). Фактически же процесс ликвидации лагерей затянулся до января 1960 г., когда после образования Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями лагеря были реорганизованы в колонии.

В новом Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. отдельные главы (первая и вторая главы Особенной части) отводились особо опасным государственным преступлениям. Одной из наиболее тяжёлых среди них считалась ст. 70 «Антисоветская агитация и пропаганда», по которой чаще всего и судили инакомыслящих (УК РСФСР). Осуждённые по этой и ряду других аналогичных статей, согласно Положению об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР 1958 г., должны были содержаться изолированно (ПМВД1, с. 211). В течение 60–70-х годов для таких заключённых были созданы специальные исправительно-трудовые учреждения, в их числе:

- «Учреждение ЖХ-385» в Мордовии, включающее колонии в посёлках Лесной, Сосновка, Озёрный и женскую колонию в посёлке Барашево;
- три колонии в посёлках Центральный, Кучино, Половинка Пермской области;
- Владимирский централ;
- тюрьма в г. Чистополь ТАССР (с 1978 г.).

Проводившиеся в 50–60-е годы реформы исследователи в целом характеризуют как демократические [4, с. 277], однако архивные источники свидетель-

ствуют о том, что далеко не все проекты МВД носили либеральный характер. В частности, в 1956 г. в ЦК КПСС рассматривался вопрос о создании двух исправительно-трудовых тюрем строгого режима в районе железной дороги Салехард – Игарка, куда на тяжёлые работы в виде наказания, наряду с особо опасными преступниками-рецидивистами, осуждёнными за разбой, бандитизм и умышленные убийства, предлагалось ссылать злостных антисоветчиков и изменников Родины (РГАНИ1, л. 22 об.). Тогда проект был отвергнут Государственным плановым комитетом (Госпланом) в связи с недостатком финансирования.

Доктрина новой пенитенциарной системы шла вразрез с реальными практиками отбывания наказания государственными преступниками. География мест их заключения не соответствовала положению о том, что заключённые должны отбывать наказание в том же регионе, где проживали ранее или где были осуждены. Более того, антисоветчиков старались отправить как можно дальше, переводя заключённых из мордовских колоний во вновь построенные в 70-е годы колонии Пермской области и из владимирской тюрьмы в чистопольскую. Основная цель данных манипуляций – исключить возможность утечки информации из советских политических зон на Запад. В преддверии московской Олимпиады 1980 г. вопрос о переводе «особых» преступников численностью 40–60 человек из Владимирского централа обсуждался на высшем уровне. Местом для пересылки выбрали тюрьму в Чистополе, находящуюся в отдалении от основных транспортных магистралей (РГАНИЗ, л. 1 об.).

Желание власти изолировать «политиков» от обычных заключённых не кажется удивительным: взгляды инакомыслящих подчас находили поддержку в среде уголовных преступников. Так, диссидент Анатолий Марченко, погибший в результате голодовки в чистопольской тюрьме, писал в автобиографии «Мои показания» о том, что именно в мордовских лагерях для политзаключённых он познакомился с правозащитником Ю. Даниэлем и произведениями первых советских диссидентов (МП).

Всесоюзное совещание КГБ от 14 мая 1959 г. констатировало: «Имеется много фактов, когда лица, осуждённые за уголовные преступления, находясь в лагерях и колониях, вовлекаются там враждебными элементами в различные антисоветские группы. Не единичны случаи, когда заключённые пишут в разные адреса злобные документы антисоветского содержания или распространяют их среди осуждённых. Все эти серьёзные недостатки являются следствием того, что существующие сейчас в лагерях порядки как в режиме содержания, так и в воспитательной работе не решают задач по исправлению и перевоспитанию осуждённых» (РГАНИ4, л. 48–49 об.).

Поводов для беспокойства у правоохранителей было действительно достаточно. Например, только в апреле 1959 г. были ликвидированы две антисоветские группы среди заключённых. В колонии № 10 Пермской области была раскрыта антисоветская группа «Союз борьбы “Народно-освободительное движение”» (СБНОД). Она состояла из 30 человек, среди которых были осуждённые за разбой и изнасилование. Активисты группы подготовили обращение, содержащее, по мнению сотрудников исправительно-трудовой колонии, клевету на советское правительство, положение трудящихся в СССР и призывы к борьбе

против социалистического строя и КПСС (РГАНИ5, л. 58 об.). В колонии № 3 Орловской области была ликвидирована группа из 16 человек, куда входили преимущественно бывшие военнослужащие. Они распространяли «клеветнические сведения» об экономическом и политическом положении в СССР, планировали разоружить охрану колонии и обратиться к солдатам и населению с призывом бороться с государственным строем (РГАНИ5, л. 47–48 об.). За подобные действия заключённых повторно судили уже как особо опасных государственных преступников и переводили в специальные учреждения.

Расклеивание антисоветских листовок в колониях также расценивалось как особо опасное государственное преступление. Один из работавших в 80-е годы оперативников чистопольской тюрьмы свидетельствует: «В среде диссидентов попадались порой еще те “субчики” – настоящие уголовники, запомнился матёрый 60-летний Труфанов – у него был целый букет побегов из мест лишения свободы. <...> А в диссиденты Труфанова записали за то, что в колонии расклеивал антисоветские листовки» (ВЗ, с. 207).

Ключевую роль в системе исправления и перевоспитания заключённых, согласно новой концепции, играл режим, то есть основные условия содержания осуждённых, включающие надлежащий надзор, изоляцию, а также неуклонное выполнение заключёнными их обязанностей. В соответствии с Положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах 1958 г. предусматривалось три вида режима для колоний (общий, облегчённый и строгий) и два для тюрем (общий и строгий). Указанным документом регламентировалось дифференцированное размещение заключённых: отдельно мужчин от женщин, отдельно осуждённых впервые от рецидивистов и отдельно осуждённых за особо опасные государственные преступления (ПМВД1, с. 211–216).

Большинство осуждённых за особо опасные государственные преступления отбывали наказание в колониях строгого режима и тюрьмах общего режима. Естественно, что условия содержания в первых были гораздо более жёсткими. Так, если в колониях общего режима по назначению администрации допускался труд заключённых как на производстве, так и в медицинских, культурных или хозяйственных учреждениях колонии, то при строгом режиме он ограничивался лишь трудом на производстве, причём заключённые перемещались и работали под усиленной охраной. Если в колонии общего режима не ограничивались количество посылок и передач, а также месячная сумма денег на покупку товаров в ларьке, то в условиях строгого режима число посылок сокращалось до одной в два месяца, а сумма денег – до 100 руб., причём оплачивать товары можно было только путём безналичного расчёта и из средств собственного заработка. Поощрением при примерном поведении в колониях общего режима являлся перевод на облегчённый режим при отбытии 1/3 срока, а за нарушение дисциплины предусматривался перевод в колонию строгого режима или тюрьму; в колониях строгого режима поощрением служил перевод в колонию общего режима, но не ранее одного года с момента помещения в колонию строгого режима, а в качестве санкций выступал перевод на пониженные нормы питания или в тюрьму. Исключение составляли преступники, осуждённые неоднократно и признанные особо опасными: для них предусматривался особый режим содержания в колонии и в редких случаях – строгий в тюрьме (ПМВД1).

Положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД РСФСР, утверждённым Указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 154/3 от 9 сентября 1961 г., в колониях вводится четыре вида режима: общий, усиленный, строгий и особый; в тюрьмах сохраняется два: общий и строгий (УПВС2). Преобразования не ограничиваются упразднением облегчённого режима содержания – они предусматривают ужесточение условий содержания осуждённых. Так, для заключённых всех видов режимов количество разрешённых писем, свиданий, посылок и сумма на покупку товаров в ларьке, в сравнении с предыдущим Положением 1958 г., значительно сократились. Вместо одного свидания в месяц при строгом режиме отныне допускалось лишь общее свидание – один раз в четыре месяца и личное – один раз в год (по новому Положению были введены две формы свиданий: общее – продолжительностью до 4 часов и личное (то есть с близкими родственниками) – до 3 суток). Посылки и передачи не были предусмотрены, а количество писем ограничено до двух в месяц. Сумма денег на приобретение товаров в ларьке была уменьшена в два раза (п. 24 УПВС2). Одной из санкций при нарушении дисциплины стал перевод в штрафной изолятор или карцер (п. 50 УПВС2). Соответственно, условия заключения «политических» стали ещё более строгими и по существу приравненными к условиям заключения рецидивистов, а в ряде случаев – и особо опасных преступников.

Двумя годами позже, 26 июня 1963 г., был издан Указ об организации исправительно-трудовых колоний-поселений, куда по замыслу теоретиков пенитенциарной реформы подлежали переводу «лица, твёрдо вставшие на путь исправления» (УПВС3). Закон СССР от 11 июля 1969 г. «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» (ЗСССР), а также Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18 декабря 1970 г. (ИТК РСФСР) фактически утвердили Положение 1961 г. и изданные вслед за ним акты с незначительными изменениями.

Строгой регламентации подвергались и суточные нормы питания (всего таковых насчитывалось десять), которые зависели от следующих факторов:

- места нахождения политического заключённого (следственный изолятор, колония, тюрьма, этап или штрафной изолятор);
- тяжести выполняемых работ;
- возраста;
- состояния здоровья (ПМВД2, с. 713–717).

Положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах 1961 г. регламентировалась калорийность питания. В колониях общая норма составляла 2413 калорий для работающих заключённых; в штрафном изоляторе – 2090 калорий и 1324 калорий для «злостно отказывающихся от работы». В тюрьмах общего режима – 1937 калорий, для работающих предусматривалось дополнительно 100 граммов хлеба; строгого режима – 1937 калорий с уменьшением нормы хлеба на 100 граммов. Суточное довольствие осуждённых, находящихся в карцере тюрьмы, было ограничено 1324 калориями с выдачей горячего питания через день. В день лишения горячей пищи выдавались только хлеб по норме, соль и кипяток. Все нормы питания заключённых предполагали наличие в рационе не менее 200 граммов свежих овощей, а для отдельных категорий

осуждённых (несовершеннолетние, беременные женщины, больные) предусматривались ещё фрукты, творог, сметана (см. Приложение к УПВС2).

Но в реальности всё было совсем не так. Женщины, отбывавшие наказание в лагере политических заключённых в посёлке Барашево Мордовской АССР в начале 80-х годов, свидетельствовали, что администрация не могла обеспечить положенную норму и поэтому они обустроили на территории колонии огород. Однако вскоре по распоряжению руководства огород ликвидировали. «Нас давно шантажировали этим огородом, а в июле предложили компромисс – мы надеваем бирки, а они “смотрят сквозь пальцы” на огород», – говорит одна из осуждённых (ХБЗ, с. 6).

Таким образом, в качестве административного влияния использовались не только прямые воспитательные методы, но и способы физического воздействия – как формального, путём ограничения норм питания с 2413 калорий для работающих заключённых до 1324 калорий для злостных нарушителей трудовой дисциплины, так и неформального характера.

Одним из ключевых рычагов трудового перевоспитания в советской тюрьме являлась возобновлённая в 1954 г. практика условно-досрочного освобождения. Принятый Президиумом Верховного Совета Указ гласил: «К лицам, осуждённым к отбытию наказания в местах заключения и доказавшим своё исправление честным отношением к труду и примерным поведением, по отбытии ими не менее двух третей срока наказания может быть применено условно-досрочное освобождение. Условно-досрочное освобождение выражается либо в освобождении от дальнейшего отбывания меры наказания, либо в замене её более мягкой мерой наказания и решается судом по месту содержания осуждённого на основании представления администрации мест заключения» (УПВС4).

В новой редакции Уголовного кодекса СССР от 27 октября 1960 г. лица, осуждённые за особо опасные государственные преступления, такой возможности были лишены (УК РСФСР). Следовательно, осуждённые по ст. 70 «Антисоветская агитация и пропаганда» вне зависимости от их отношения к труду рассчитывать на условно-досрочное освобождение не могли. Власть, однако, предусмотрела иной путь облегчения участи инакомыслящих. Сократить срок или избежать наказания для осуждённых за антисоветскую деятельность и измену Родине было возможно после публичного раскаяния и посредством сотрудничества со следствием и КГБ. Знаменитый процесс по делу П. Якира и В. Красина 1973 г., который, по словам Л.М. Алексеевой, привёл правозащитное движение к кризису [5, с. 249], тому подтверждение. За антисоветскую агитацию и пропаганду оба получили 3 года лишения свободы и 3 года ссылки. Однако вскоре Верховный суд РСФСР сократил срок заключения до 13 месяцев, которые осуждённые уже отбыли ранее в следственном изоляторе. В. Красин в своих мемуарах объяснял сотрудничество с органами угрозами расстрела: «В течение первых двух месяцев после ареста, когда я отказывался давать показания, мне постоянно угрожали ст. 64 УК РСФСР (“Измена родине”) и расстрелом» (С, с. 109).

Для несогласных сотрудничать с органами власти бойкот выхода на работу стал традиционной практикой борьбы за собственные права. Отказ от трудовой деятельности в большинстве случаев вёл к переводу из колонии в тюрьму,

к помещению в карцер и ограничению в переписке и свиданиях. Тем не менее произвольно ограничить права политических заключённых сотрудникам учреждений системы исполнения наказаний удавалось далеко не всегда, ведь их подопечные были на порядок образованнее и прекрасно знали советское законодательство. Многие осуждённые по ст. 70 УК РСФСР не только имели высшее образование, но и научную степень. Выстроить диалог с такими осуждёнными подчас оказывалось невыполнимой задачей. Начальник оперативного отдела чистопольской тюрьмы Н.П. Денисов вспоминает: «Раньше, бывало, с теми же “политическими” разговариваешь, и стыдно, что ничего не понимаешь. Это толкало к саморазвитию. В камеру к Казачкову категорически нельзя было заходить, если не знал наизусть всех правил внутреннего распорядка» (НПЧ, с. 27). По данным на апрель 1956 г., 54,4% руководящего состава колоний и тюрем имели лишь начальное и неполное среднее образование. В связи с этим в документах Министерства внутренних дел озвучивалась идея о необходимости переподготовки кадров и реорганизации школ и училищ МВД (РГАНИ1, л. 24 об.).

Процесс освобождения политических заключённых по времени совпал с проведением политики гласности и перестройкой в СССР. Обсуждение данного вопроса началось в январе 1986 г. А 11 февраля того же года на мосту Глинике в Германии состоялся обмен Анатолия Щаранского на советского разведчика Карла Кехера. После письма А.Д. Сахарова М.С. Горбачёву с просьбой об амнистии политзаключённых в течение 1986 г. был освобождён 21 человек. Процесс ускорился после гибели А.Т. Марченко в декабре 1986 г. в чистопольской тюрьме. В короткие сроки из тюрьмы досрочно освободили большинство осуждённых по политическим мотивам. В октябре 1991 г. был принят Закон о реабилитации жертв политических репрессий (ЗРФ). Фактически с этого времени многие осуждённые за государственные преступления были амнистированы или признаны невиновными, а существующая пенитенциарная система подверглась очередному реформированию.

В заключение можно констатировать, что реформа системы исполнения наказаний, проведённая в СССР в 50–60-е годы, носила двухступенчатый характер:

- первый период – с 1954 по 1960 г. – от принятия первых после смерти Сталина положений о местах лишения свободы и возобновления практики условно-досрочного освобождения до утверждения нового Уголовного кодекса РСФСР. В это время в пенитенциарной системе происходили существенные изменения либерального характера;

- начало второго периода можно условно датировать октябрём 1960 г., когда с принятием нового Уголовного кодекса были законодательно ужесточены наказания за государственные преступления. Появившееся в 1961 г. очередное положение об исправительных учреждениях лишь подтвердило тенденцию к консервации режима и ужесточению тюремных порядков.

Фактически в результате проведённых реформ в СССР оформилась и утвердилась новая концепция функционирования тюрьмы как ключевого института перевоспитания заключённых, существовавшая вплоть до распада СССР. В качестве средств перевоспитания предлагалось использовать общественно полезный труд, политико-воспитательную работу, общеобразовательное и профессиональное обучение, систему мер взысканий и поощрений (в том числе возобновление

практики условно-досрочного освобождения), а также различные виды режимов. В идеальной модели новой тюрьмы инакомыслящие, взгляды которых были идеологически враждебны официальной советской доктрине, занимали особое место: наряду с рецидивистами, осуждёнными за убийства и бандитизм, они классифицировались как особо опасные преступники. Таких заключённых, не поддающихся «осовечиванию» и способных оказывать разрушительное идеологическое влияние на окружающих, власть старалась либо физически или морально подавить, либо изолировать, максимально ограничив их связь с внешним миром.

Источники

- ВЗ – Внимание! Зона! Из прошлого и настоящего Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан / Под ред. Л.Г. Абрамова. – Казань: По городам и весям, 2004. – 272 с.
- ЗРФ – Закон Российской Федерации от 18 окт. 1991 г. № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1428.
- ЗСССР – Закон СССР от 11 июля 1969 г. № 4074-VII «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1969. – № 29. – Ст. 247.
- ИТК РСФСР – Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18 дек. 1970 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1970. – № 51. – Ст. 1220.
- МП – *Марченко А.Т.* Мои показания. – М.: ОГИ, 2005. – 304 с.
- НПЧ – *Чеснокова Л.* На правах человека (Истории чистопольской тюрьмы) // Карл Фукс. – 2014. – № 6. – С. 24–29.
- ПМВД1 – Приказ МВД СССР от 15 дек. 1958 г. № 990 с объявлением Положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. – М.: Материк, 2000. – С. 208–221.
- ПМВД2 – Приказ МВД СССР от 16 авг. 1958 г. № 550 с объявлением норм суточного довольства заключённых, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. – М.: Материк, 2000. – С. 709–717.
- ППСМ – Проект Постановления Совета министров от 25 марта 1953 г. № 895-383сс «Об изменении строительной программы 1953 года» // Ист. архив. – 1996. – № 4. – С. 142.
- РГАНИ1 – Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 16. Д. 1.
- РГАНИ2 – РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 36.
- РГАНИ3 – РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 72.
- РГАНИ4 – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 277.
- РГАНИ5 – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 312.
- С – *Красин В.А.* Суд. – Нью-Йорк: Chalidze, 1983. – 120 с.
- УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
- УПВС1 – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1953. – № 4. – Ст. 320.

УПВС2 – Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 сент. 1961 г. № 154/3 «Об утверждении Положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1961. – № 37. – Ст. 556.

УПВС3 – Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1963 г. «Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и о порядке перевода в них осуждённых к лишению свободы, твёрдо ставших на путь исправления» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1963. – № 13. – Ст. 683.

УПВС4 – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 г. «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 г. – июль 1956 г.). – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – С. 416.

ХБЗ – Хроника барашевской зоны. – Нью-Йорк: Silver Spring, 1986. – 69 с.

Литература

1. *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. – М.: Наука, 2000. – 365 с.
2. *Смирнов М.Б., Сигачёв С.П., Шкапов Д.В.* Система мест заключения в СССР. 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 / Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – М.: Звенья, 1998. – URL: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/vved.htm>, свободный.
3. *Земсков Н.В.* Ситуация с заключёнными в первые послесталинские годы // Изв. Сам. науч. центра РАН. – 2014. – Т. 16, № 3–1. – С. 130–136.
4. *Детков М.Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. – М.: Вердикт-М, 1999. – 448 с.
5. *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. – М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. – 382 с.

Поступила в редакцию
27.10.15

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии и источниковедения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru

Герасимова Елена Андреевна, аспирант кафедры историографии и источниковедения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: gerelenka@mail.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)****2016, vol. 158, no. 3, pp. 754–764**

**Soviet Political Prison in the 1960s – 1970s:
Authority Conception and Everyday Realities***A.A. Salnikova^{*}, E.A. Gerasimova^{**}**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia**E-mail: ^{*}Alla.Salnikova@kpfu.ru, ^{**}gerelenka@mail.ru*

Received October 27, 2015

Abstract

The paper examines a new penitentiary system conception generated in the USSR after the GULAG liquidation. This system was created as a specific “normalizing” and “therapy” space to not only isolate the society from unlawful and disloyal citizens, but also to “sovietize” them if possible. Basing on the previously non-used official documents kept in the Russian State Archive of Modern History (RGANI) and law documentation, the specificity of penitentiaries for the convicted of state crimes (“*politicheskikh*”) and their role in a new Soviet prison model are revealed and analyzed. It is proven that special penitentiary institutions opened in the 1960s – 1970s to isolate beyond re-educational and extremely dangerous state criminals differed greatly from the ordinary penitentiary system institutions, including the problems of the prisoners’ daily life organization and regulation. Contradictions are found between the authority conception and the prison routine realities. It is argued that the penitentiary reform of the 1950s – 1960s in the USSR consists of two periods: the first one (1954–1960) was the period of some liberalization; the second one (since October 1960) was the period of increased penalties for crimes against the state. It becomes obvious when analyzing the situation of political prisoners in the examined period.

Keywords: Soviet penitentiary system, political prison, political prisoners, punishment of dissidents, USSR, 1960s – 1970s

⟨ *Для цитирования:* Сальникова А.А., Герасимова Е.А. Советская политическая тюрьма 60–70-х годов XX века: концепция власти и повседневные реалии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 754–764. ⟩

⟨ *For citation:* Salnikova A.A., Gerasimova E.A. Soviet political prison in the 1960s – 1970s: Authority conception and everyday realities. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 3, pp. 754–764. (In Russian) ⟩